

ЮЛИУС ЭВОЛА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2021

УДК 321
ББК 66
Э15

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.***

*Автор предисловия — Франсуа Местр.
Составитель сборника текстов — Ренато Дель Понте.
Тексты перевели с итальянского на французский язык —
Жерар Буланже и Франсуа Местр.
Оригинальное название — Saggi di dottrina politica.
Перевод с французского — А. М. Иванов.*

Эвола Ю.

Э15 Политические статьи. — М.: Тотенбург, 2021. — 376 с.

ISBN 978-5-9216-2378-1

Сборник включает себя 28 статей Юлиуса Эвола, изданных с 1930 по 1958 год. Тексты разделены на три тематические части: «Имперская идея и Новый европейский порядок», «Экономика и социальная критика», «Германизм и нацизм».

Посвященные критике современного национализма, новому определению идеи Империи, вопросу о подлинном «европейском праве» и анализу духовных и структурных условий европейского единства, первые ~~главы~~ данного сборника дают главные метаполитические ориентиры. Во второй части читатель найдет очень ценную статью на малоизвестную тему, о национал-социалистической концепции корпораций, и тексты о дебатах фашистских интеллектуалов на важную тему о «суде над буржуазией». Наконец, в третьей части Эвола дает анализ, порой весьма критический, ряда аспектов национал-цинизма: его völkisch национализма и обособленности, его биологического расизма, его «революционных» и «антиримских» тенденций, его язычества и связей последнего с Реформацией и Провещением, его концепции государства и т. д.

Данный сборник — незаменимый источник информации об идеях, о которых шли споры при фашизме и национал-социализме.

**УДК 321
ББК 66**

© А. М. Иванов,
перевод с французского, 2021

ISBN 978-5-9216-2378-1

© Издательство «Тотенбург», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.	
ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ	
И НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОРЯДОК.....	31
I. Два лица национализма (1931 год).....	31
II. Имперская универсальность и националистическая обособленность (1931 год)	47
III. «Европейская» проблема на конгрессе «Вольта» (1932 год).....	60
IV. О духовных основах империи (1937 год)	72
V. Англия и упадок идеи империи (1940 год)	77
VI. Подходы к европейской идее (1940 год).....	90
VII. За подлинное «европейское право» (1941 год).....	102
VIII. Размышления о будущем устройстве наций (1941 год)	112
IX. Функция имперской идеи и устранение «нейтральной культуры» (1943 год).....	131
X. О духовных и структурных условиях европейского единства (1951 год)	148
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.	
ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА	162
I. По поводу корпоративного итало-французского конгресса (1935 год)	162
II. Корпорации и закон чести (1936 год).....	166
III. Духовная ценность автаркии (1938 год)	178
IV. Пределы «социальной справедливости» (1940 год)	184
V. Суд над буржуазией (1940 год).....	189

VI. Миф и реальность в антибуржуазной борьбе (1940 год).....	206
VII. «Нейтрализация» или совершенствование администрации? (1941 год)	217
VIII. По поводу бесполезной печатной продукции (1941 год)	228
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.	
ГЕРМАНИЗМ И НАЦИЗМ	238
I. «Миф» нового немецкого национализма (1930 год).....	238
II. Neue Sachlichkeit: исповедь молодого немецкого поколения (1933 год).....	249
III. Критические заметки о национал-социалистическом «расизме» (1933 год)	269
IV. Борьба национал-социалистов за «мировоззрение» (1934 год).....	278
V. Нацизм на пути в Москву? (1935 год).....	293
VI. Парадоксы нашего времени: расистское язычество — либерализм эпохи Просвещения (1935 год)	306
VII. О различиях между фашистской и нацистской концепциями государства (1941 год) ...	311
VIII. Римский дух, германизм и казус Манакорды (1941 год).....	324
IX. За политико-культурную координацию Италии и Германии (1942 год)	338
X. Quo vadis, Germania? (1958 год).....	353
РЕНАТО ДЕЛЬ ПОНТЕ.	
БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.....	364
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
РЕНАТО ДЕЛЬ ПОНТЕ «ДЖОВАННИ ПРЕЦИОЗИ (1881–1945)».....	367

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этот сборник включены 28 статей Юлиуса Эво-лы, напечатанных с 1930 по 1958 год. Разделение сбор-ника на три части: «Имперская идея и Новый европей-ский порядок», «Экономика и социальная критика», «Германизм и нацизм» — принадлежит итальянскому издателю Ренато Дель Понте, одному из лучших спе-циалистов по творчеству Эволы. Читатель увидит, что Эвола, исходя из работы, которую он взял для анализа, развивая свои мысли, часто выходит далеко за пределы темы, о которой идет речь в рецензируемой им книге, эта тема служит для него лишь своего рода предлогом. Некоторые статьи превращаются в результате в настоящие маленькие эссе, отсюда название француз-ского сборника, «Политические эссе», несомненно бо-лее ясное, чем буквальный перевод, выбранный италья-нским издателем (*Saggi di dottrina politica* — «Эссе о политической доктрине»).

Чтобы быть правильно понятым, каждый из текстов, объединенных в этом сборнике, должен быть поставлен в контекст той эпохи, когда он был напеча-тан, поэтому, следуя итальянскому изданию, к заголовку каждой статьи приложена дата, год ее публикации. В целом этот сборник неотделим от других сочинений и статей Эволы, особенно от книг «Люди и руины» (1-е оригинальное издание: Рим, 1953 год), «Фашизм: крити-ка справа» (1-е оригинальное издание: Рим, 1964 год) и в меньшей мере от «Статей о масонстве» (Пюизо, 1987 год, сборник из восьми статей, напечатанных с 1937 по 1942 год) и его «Предисловия» к работе Ф. К. Гюнтера «Индоевропейская религиозность» (1-е ориги-

нальное издание: 1934 год)¹. Этот последний текст, в котором Эвола порой весьма критически оценивает тезисы Гюнтера, имеет особое значение, поскольку он отражает окончательное мнение нашего автора: Эвола, умерший 11 июня 1974 года, написал его в 1970 году относительно индоевропейской проблемы в том виде, в каком она могла быть подана этим исследователем, близким к национал-социализму².

Игнорирование этих данных исторического и библиографического порядка привело бы к серьезным недоразумениям и двусмысленности, которых следует избегать. Чтобы оправдать это убеждение, достаточно одного примера. В начале статьи «Римский дух, германизм и казус Манакорды» (1941 год) Эвола благожелательно отзывается, не называя имени, об «одном из самых известных немецких расистов», а Ренато Дель Понте уточняет в примечании, что речь идет, вероятнее всего, о Людвиге Фердинанде Клауссе (1892–1974)³, одном из главных представителей «нордической мысли» в Германии в 1920–1940 годах и близком друге Эволы.

---

¹ На русском языке см. Ю. Эвола «Люди и руины» (М.: МОО «Русское Стрелковое Общество», 2002), «Фашизм: критика справа» (М.: Реванш, 2005) и Ф. К. Гюнтер «Индоевропейская религиозность» (Тамбов: Ex Nord Lux, 2006). — *Прим. ред.*

² Для исторической ретроспективы «метаполитической» ориентации Эволы на фашизм и национал-социализм с 1928 по 1945 год и для критического анализа этих двух режимов с контрреволюционной точки зрения, или лучше с точки зрения «интегрального традиционализма», — см. Филипп Байе «Отношения Юлиуса Эволы с фашизмом и национал-социализмом» («Политика Герметика», изд. «Аж д'Омм», 1 («Метафизика и политика, Рене Генон, Юлиус Эвола»), 1987). В этой работе автор позаботился о том, чтобы использовать только проверенные или поддающиеся проверке источники, что исключит нападки.

³ Людвиг Фердинанд Клаусс (1892–1974), автор, в частности, книги «Раса и душа» (Мюнхен, 1926 год, 18 переизданий, на русском языке — М.: Белые альвы, 2014. — *Прим. ред.*), в которой он развивал «психо-антропологические» тезисы о расах. Клаусс был близким другом Эволы, который уделил ему внимание в своем «Мифе крови».

Поскольку последний использует, в соответствии со словарем эпохи в фашистской Италии, термин «расизм» для обозначения расовых теорий и слово «расист» применительно к расовым теоретикам, вместо того чтобы использовать слова «расология» и «расологи», неинформированный читатель может подумать, что Эвола не брезговал дружбой с самыми фанатичными и главными нацистскими идеологами. Но в случае с Клауссом⁴ дело обстояло совсем не так.

Первая часть данного сборника, самая специфически доктринальная, охватывает область главных метафизических ориентиров, то есть ту область, в которой, как считают некоторые, особенно многие

---

⁴ Говоря о Клауссе, который отказывался вступить в нацистскую партию, необходимо внести следующие уточнения. «В 1936 году он вел курс психологии народов в Берлинском университете. В своей книге «Раса и душа» Клаусс подверг критике национал-социалистическую расовую теорию. Через несколько месяцев он подал в отставку с поста редактора журнала «Рассе», новую ориентацию которого он отвергал. В 1940 году нацистская партия, обнаружив, что его главная сотрудница, которая жила у него и с которой он отказывался расстаться, — еврейка Маргарет Ланде, усилила нападки на него... 28 марта 1941 года, во время рабочей сессии, организованной службами Розенберга... доктор Вальтер Гросс, руководитель Расово-политического ведомства НСДАП, заявил: "Для нас важно сейчас еще больше, чем раньше, отодвинуть Клаусса и его работы в тень, положить конец полемике и просто убить его замалчиванием (totschweigen). Наверху решат, до какой степени ему позволят продолжать его научную работу". Этот вопрос был решен быстро. 8 февраля 1942 года мероприятия по случаю пятидесятилетия Клаусса были запрещены. Через несколько месяцев ему запретили преподавать в Берлинском университете. В 1943 году он был официально лишен всех функций в учреждениях войск СС в дисциплинарном порядке. Его сотрудница Маргарет была обнаружена в его доме в Бранденбурге, арестована и брошена в тюрьму в Потсдаме, откуда Клауссу удалось ее вызволить. В 1945 году они бежали вдвоем на Запад от наступавшей русской армии» (Робер де Эрт, «Биобиблиографический очерк о Л. Ф. Клауссе», «Этюд э Решерш», новая серия, 2, 4-й триместр 1983 года). Следует также знать, что «расист» Клаусс несколько лет жил среди бедуинов Иордании и написал ряд работ об арабском мире и Исламе.

«правые», Эвола доказал свой бесосновательный «ирреализм», в частности, своей критикой современных понятий «нации» и «народа». Этот упрек ему недавно предъявил — новое дело! — один интеллектуал-антифашист, знаток контрреволюционной мысли, специалист по современным расовым теоретикам, как «романтикам», так и «ученым» (Гобино, Ваше де Лапуж, Чемберлен, Гюнтер и др.), автор многих работ о европейских «новых правых», работ, часто характеризующихся убедительной смесью почти «инквизиторской» дотошности при изучении источников и желания «вести диалог» с противником. Пьер-Андре Тагиев⁵ пишет, что «политические предложения Эволы

---

⁵ Среди работ этого автора особо отметим такие, как «Культурная стратегия «новых правых» во Франции (1968–1983)» в коллективном сборнике «Вы сказали фашизмы?» (Париж, 1984 год, Арто Монтальба) и «Ален де Бенуа как философ» в «Ле Тан Модерн» (451, февраль 1984 год). Что же касается «диалога», то, возможно, П. А. Тагиев, чтобы стать более интересным для идейного направления меньшинства, заботящегося о своей респектабельности и желающего быть в какой-то степени «признанным» господствующей официальной культурой, не только университетской, с трудом пытается нащупать «ядро», из которого исходит радикализм «интегральной культуры» традиционного духа, такой, какой ее могли бы определить ее самые «радикальные» проповедники, а именно: «Интересная культура... должна быть понята как перспективная проекция а-рационального ядра на интеллектуальную и конкретно-историческую "зону"... Интегральная культура полностью подчинена выбору, заключающемуся в связи с не-рациональным ядром... Этот выбор невозможно "обосновать" рациональными доводами, рациональность сама всего лишь часть целого, ориентированного на не-рациональные направления» (Франческо Ингравалле «Мысли об интегральной культуре» («Рисгвардо», II, Ар, Падуа, 1981 год). Французский перевод — «Интегральная культура и мировая интуиция» («Тоталите», 14, весна 1982 год)). Приверженность к Идее, к традиционному видению мира как следствие метарационального (явно «иррационального» с точки зрения наследников эпохи Просвещения), «выбора» некоей «духовной расы», говоря словами Эволы, не может быть предметом «дискуссии». «Мы говорим тогда, что интегральная культура должна быть религиозной, а не светской, аксиоматической, а не критической. Мы считаем, что интегральная культура должна основываться на принципах, а не на тезисах, на призвании,

могут показаться пронизанными ностальгическим утопизмом, мифически-политической конструкцией, совершенно лишенной основ в области реальной политики. Такая метаполитика принципов, — добавляет он, — часто очень похожа на провозглашение принципа и сводится к определению идеального строя, у которого не будет никаких эмпирически-исторических воплощений, воплощение это искажение»⁶. Мы постараемся показать здесь, что эта оценка нуждается в учете нюансов, и мнимый ирреализм Эвола это иногда высший или «идейный» реализм. Не обращая внимания на слова, потому что слова это не вещи, Эвола часто доказывает, что он тоже умеет играть словами. Об этом в первой части данного сборника свидетельствуют некоторые семантические вариации, в которых нет ничего случайного. То Эвола ясно утверждает, что «имперская идея» противоположна «империализму» как современному феномену, то искусно приспосабливаясь к официальной фашистской идеологии, не делая никаких уступок в главном, он использует термин «империализм», придавая ему позитивный смысл. Но прежде всего, последняя статья первой части сборника «О духовных и культурных условиях европейского единства»⁷, текст, написанный одновременно с его

а не на мнениях, на признании авторитета, а не на дискуссиях» (Франко Джорджо Фреда «Элементы интегральной культуры» («Рисгардо», I, Ар, Падуа, 1980 год). Французский перевод — в изданном Ж. Ж. Мальяраком сборнике «Заклоченный издатель. В поддержку Джорджо Фреды» («Либрери Франсез», Париж, 1985 г.)).

⁶ Тагиев П. А. «Юлиус Эвола как философ упадка. "Метафизика истории" в традиционной перспективе и гиперкритика современности» («Политика Герметика», 1, 1987 г.).

⁷ Эвола воспроизвел эту статью в переделанной и, на наш взгляд, менее строгой форме в шестой и последней главе книги «Люди и руины» — «Предварительные формы и условия европейского единства».

фундаментальными «Ориентациями» (Рим, 1950 год)⁸, лучше всего, как нам кажется, иллюстрирует высший реализм Эвола.

Рассматривая проблему, которая была тогда предметом многих дебатов в кругах итальянских «правых радикалов», которые после 1945 года были самыми «европейскими» в Старом Свете, и которая до наших дней не перестает волновать политические и культурные течения, враждебные одновременно либеральному капитализму и марксистскому коммунизму, проблему европейского единства, Эвола с помощью рассуждений, отличающихся удивительной интеллектуальной строгостью, показывает, что это единство, которому **внешне** благоприятствует множество факторов, будет очень трудным, если оно возникнет однажды по «структурным» причинам. Когда речь идет об основной проблеме, важно следовать аргументации Эвола, что позволит ясно обозначить ее специфику по отношению к другим течениям, которые иногда ссылаются на сочинения Эвола, неправильно их толкуя. Рассуждения Эвола делятся на восемь пунктов.

1) Возврат к имперской идее в перспективе европейского единства может иметь сегодня ценность лишь как теоретическая позиция, потому что Империя, напоминает Эвола, ссылаясь на введенное Шпенглером различие «культуры» и «цивилизации», относится к периоду «культуры», а не «цивилизации». А Европа вступила в период второго типа не вчера, а с наступлением «нового времени». Поэтому любой бонапартизм, цезаризм или европейский «империализм» всего лишь подделка, пародия на Империю.

2) Подлинное европейское единство, чтобы оно было прочным, предполагает наличие принципа власти

---

⁸ На русском языке см. Ю. Эвола «Ориентации» (М.: Опустошитель, 2021). — *Прим. ред.*

на сверхнациональном уровне, по необходимости более высоком, чем область политики в узком смысле слова. Где в настоящее время взять такой принцип?

3) Европейское единство нельзя отождествлять в «имперской» перспективе с растворением исторических наций в единой нации, своего рода европейской магме, разнородной и бесхребетной; нужна органическая интеграция каждой нации как части целого, имеющего высшую легитимность. Ссылаться на имперскую идею и одновременно хотеть перейти от «малых национализмов» к европейскому «большому национализму» — это противоречие (Эвола, таким образом, заранее критикует тезисы, которые появятся в начале следующего десятилетия и о которых мы будем говорить позже).

4) «Имперская» Европа, действительно достойная этого названия, не может основываться на критериях — которые кое-кто считает «конечными» — экзистенциального и политического различения друг-враг и чисто биологического императива выживания (Эвола осуждал чисто макиавеллистскую концепцию политики, с одной стороны, и расизм как самоутверждение расы, имеющей ценность сама по себе для человека, который к ней принадлежит, с другой). Придерживаться этих критериев — значит, говорит Эвола, оставаться «на уровне коллективистских, «тоталитарных» процессов, нашедших сегодня самое последовательное воплощение в сталинизме»; это значит с самого начала исходить из того, что Европа станет «эрозией своих противников в плане конфронтации, определяемой грубой волей к жизни и власти, в ожидании того, когда начнут действовать общие факторы распада, присущие технической и механической цивилизации».

5) «Душа сверхнационального европейского блока должна быть религиозной», но, поскольку Эвола не верил в способность новой католической Европы

и еще меньше «родового христианства» быть потенциальным фактором объединения, оставался открытым вопрос о религиозной легитимности единой Европы после многовекового процесса десакрализации.

6) Существует ли сегодня действительно «особая европейская культура», противоположная американской и советской «моделям»? Нет, — отвечает Эвола и добавляет: «Если мы можем по справедливости считать варварскими и антиевропейскими некоторые аспекты североамериканской и русско-большевистской цивилизаций, то не следует упускать из вида, что в том и другом случае речь идет лишь о доведении до крайности тенденций и зол, которые появились сначала в Европе. В этом причина ее подверженности их влияниям» (Эвола отвергает, таким образом, все объяснения европейского упадка в форме «алиби»: бóльшую опасность представляют не «внешние», а «внутренние» враги, враги в нас самих». Имя этим врагам — «современность». Систематически ругать, например, «калифорнийские суррогаты», вместо того чтобы задаться вопросом, почему они так легко распространяются среди народов Западной Европы, значит путать лозунг с анализом).

7) Логический вывод из предыдущего пункта: «Конкретно «европейская традиция», понимаемая как культура, не имеет в настоящее время иного содержания, кроме субъективных и более или менее различных интерпретаций интеллектуалов и модных литераторов». Они не могут быть основой для объединения континента.

8) Есть ли еще люди, способные руководствоваться этим двойным императивом: способствовать «постепенному и эффективному преодолению» всего, что относится к эпохе «цивилизации»; создать своего рода «метафизику» для обоснования принципа чистой власти».

Если вспомнить, что текст, из которого взяты эти пункты, был написан в 1951 году, и констатировать четкость их формулировки, придется усомниться в «ирреализме» Эвола. Разумеется, если «реализм», политический или какой-либо другой, заключается в том, чтобы убаюкивать читателя иллюзиями, провозглашать надутые лозунги, за которыми нет ничего прочного, тогда нет сомнений, что Эвола был ирреалистом в высшей степени. И наоборот, если «реализм» заключается в том, чтобы видеть корни зла, а это условие любого настоящего выздоровления, глубоко проанализировать характерные черты «исторического пейзажа», который надо принимать в расчет при любом действии, чтобы оно было эффективным, то можно сказать, что Эвола — настоящий реалист. Но политики и «реалисты» всех мастей не могут любить Эволю, потому что они не любят метафизику. И они в этом не одиноки, Св. Фома оставил нам такой парадокс: все самое универсальное любят и знают лишь очень немногие, тогда как большинство принимает во внимание только случайное и индивидуальное. Жаль не метафизику, а «реалистов», которые не тратят время и энергию на изучение науки о началах. Чтобы свести реальность к тому, какой они ее себе представляют, то есть к самым грубым ее проявлениям, наименее понятным, потому что их рассматривают самих по себе, в отрыве от высших причин, по которым они происходят, «реалисты» не способны понять порядок, которому подчиняются случайности, а те, кто изображает из себя «разочарованных» макиавеллистов, крайне чувствительны к конфликтам и соотношению сил между отдельными людьми и народами, тоже питают самые глупые иллюзии.

Таким людям свойственна вера, что европейское единство, за отсутствием духовных или подлинно политических основ, может быть создано самой силой вещей, причем «вещами» называются в данном случае

коммерческие императивы, которые считаются всемогущими. В 1924 году, рассматривая более широкую проблему возможного соглашения между Востоком и Западом, Рене Генон писал то, что *a fortiori*⁹ относится к вопросу о европейском единстве: «Не возможности, которые механические изобретения создают для внешних сношений между народами, дают им средства лучше понять друг друга... а что касается соглашений, основанных на чисто коммерческих интересах, то надо знать их истинную ценность. Материя по своей природе это начало разделения, на всем, что в ней происходит, не может основываться реальный и долговечный союз, непрерывные изменения это ее закон»¹⁰. Но вернемся к статье 1951 года и к вопросу об имперском Новом европейском порядке, вокруг ко-

---

⁹ С лат. — «в еще большей мере».

¹⁰ Рене Генон «Восток и Запад» (1924 год), Вега, Париж, 1976 год. В ту же эпоху Абель Боннар, вернувшись из Китая, где он провел 1920–1921 годы, развивал очень близкие к идеям Генона мысли о различии между традиционным единством и современным единообразием, обеспечиваемым техникой сообщения: «Геряется всё, чего человек достиг в борьбе с самим собой: иерархия, нравы, дисциплина, а на их месте остается лишь монотонность appetitов. По правде говоря, некоторые отличительные черты не стираются, природа слишком глубоко запечатлела их в расах. Исчезают не различия, а только вариации, мирное, эстетическое, счастливое выражение этих различий, остается лишь самое грубое и прочное... Более быстрые средства сообщения сократили все расстояния, но никогда не было так ясно видно, что некоторые факторы, какова бы ни была их разрушительная сила, не способны ничего нарушить в том порядке, который выше их. Сплетение интересов, от которого пассивно ожидают благоприятного влияния на нравы, лишь делает соседей еще более враждебными» («В Китае», Файяр, Париж, 1924 г.). В этом совпадении взглядов Генона и Боннара нет ничего случайного, потому что второй знал и высоко ценил сочинения первого (см. письмо Генона к его другу Де Джорджио, в котором Генон цитирует отрывок из очень хвалебного отзыва о книге «Человек и его будущее согласно Веданте», который Боннар напечатал в «Журналь де Деба». Этот отрывок воспроизведен в книге Гвидо де Джорджио «Миг и вечность и другие тексты о Традиции» (Арке, Милан, 1987 г.).

того выстраиваются тексты первой части данного сборника. Подчеркивая то, что отделяет имперскую идею от более или менее якобинской идеи Европы как «большой нации» в эпоху континентальных блоков с одной стороны, и отрицая существование сегодня «особой европейской культуры» с другой, Эвола обозначил, сам того не зная, две точки раскола, которые позволят позже течению «интегральных традиционалистов» определить свой особый вектор, несводимую ни к вариантам «европейского» неофашизма, ни к недавно появившимся «новым правым».

Якобинскую концепцию Европы снова выдвинул бельгиец Жан Тириар в своей книге, вышедшей в 1964 году (несмотря на присутствие слова «империя» в ее заглавии)¹¹. Написанная с силой и талантом, эта книга была быстро переведена на основные европейские языки. Сочинения Тириара оказали довольно глубокое влияние на «кадры» бельгийских, французских, испанских и особенно итальянских неофашистов, которые очень хотели порвать с классическими крайне правыми. В Италии тезисы Тириара затронули круги, которые находились под сильным влиянием Эвола:

---

¹¹ Жан Тириар «Европа: Империя с населением 400 миллионов человек» (Брюссель, 1964 год). Якобинская, унитаристская концепция нации особенно ощутима в брошюре Тириара со знаменательным названием «Великая нация. Европа от Бреста до Бухареста» (Брюссель, 1965 год). Но, несомненно, благодаря своему журналу «Ла Насьон Эрופן» (с октября 1965 года по 1969 год вышли 30 номеров) Тириар оставил глубокие следы: его «европейские тезисы», симпатии к Третьему миру и яростный антиамериканизм (он уподоблял США «Карфагену», а будущую единую и свободную Европу — «Риму») предвосхитили на несколько лет «антизападный» поворот французских «новых правых», хотя между Тириаром и ними нет прямой филиации. Эвола коротко намекнул на книгу Тириара в своей книге «Люди и руины» (с. 236, 238). Самое полное на сей день исследование на эту тему — Янник Совёр «Жан Тириар и европейский национал-коммунитаризм» (научная статья, опубликованная в «Записках Парижского университета» в 1978 году).

их соблазнила ясность в изложении геополитических проблем, но смутили явно современные предпосылки. Союз просуществовал недолго: в 1969 году самые радикальные итальянские традиционалисты, не всегда верные Эволе в плане политической ориентации, к сожалению, увлеченные пением сирен «нацистского мифа», который одновременно подвергался критике и «облагораживался», при том что ортодоксальная доктрина сохранялась, занялись самокритикой и решительно отвергли «европейскую» идею как совокупность риторических формул, призванных скрыть жестокую реальность: Европа, которую призывали объединить и защитить любой ценой ради нее самой, была очагом всех современных инфекций¹².

* * *

Во второй части этого сборника Эвола занимается второстепенными вопросами. Но в нее включена ценная статья «Корпорации и закон чести» (1936 год) на тему, которая до сих пор во Франции не была предметом серьезного изучения: о национал-социалистической концепции корпораций и предприятий

---

¹² «Мы сражались за европейскую гегемонию, не учитывая, что эта Европа стала рабыней США и СССР, потому что европейские нации и народы стали поглощать, после, но не вследствие военного поражения, идеологический экспорт США и СССР. Пора перестать восхищаться этим картонным паяцем, «Европой», ее имя покрыто позором... Европа это путана, чье чрево зачало и породило буржуазную революцию и пролетарское восстание... А мы теперь хотим ее поднять, шепча ей магические слова, говорим ей, например, что она должна принадлежать только «европейцам»... от Бреста до Бухареста?! Мы подняли знамя Европы, не понимая, что она не представляет для нас ничего ценного и однородного, не видя, из скольких нитей и узлов состоит ее разорванная ткань и сколько экскрементов она прикрывает» (Франко Джорджио Фреда «Дезинтеграция системы» (Ар, Падуа, 1969 г.), французский перевод — «Тоталите», Париж, 1980 г.).

и ее соотношении с трудовым законодательством. Благодаря статьям, которые Эвола посвятил этой теме, мы можем также увидеть, что важный пункт антибуржуазности мог иногда вызывать теоретические дебаты среди фашистских интеллектуалов. Эвола и здесь снова осуждает любой вид «национального социализма» и псевдореволюционные представления о «социальной справедливости», подчеркивая, что важно первым делом очистить менталитет ото всех открытых или замаскированных форм экономизма. Его выводы иногда очень близки к выводам Селина, конечно, выраженным у последнего в гораздо более резкой форме: «Жадные кишки пролетариев против набитых кишок буржуа — вот и вся демократическая мистика... Классовое сознание это выдумка, демагогическая условность. Каждый рабочий хочет лишь вырваться из рядов рабочего класса, стать буржуа, как можно индивидуальнее и как можно быстрее»¹³.

* * *

Презентация третьей части сборника «Германизм и нацизм» требует теоретически «очертить сначала ритуальный магический круг и произнести обычные заклинания экзорцистов, то есть повторить — с кое-какими вариациями, если нужно — предварительную и "очевидную" формулу осуждения»¹⁴.

Мы не будем здесь этого делать и объясним, с риском «сойти за сообщников, за симпатизирующих

---

¹³ Луи-Фердинанд Селин «Школа трупов» (Денозль, Париж, 1938 г., на русском языке — М.: Опутошитель, 2018. — *Прим. ред.*).

¹⁴ Кардини Франко. «Зачарованный флейтист. Гитлеровский мессианизм, национал-социалистическая мифопоэтика и современная тоска» («Интервенто», 29, январь — февраль 1978 г.). Французский перевод — «Тоталите», 12, лето 1981 года.

врагу рода человеческого»¹⁵, потому что «современный мир считает Гитлера не обычным врагом, а возводит его в ранг метафизического врага»¹⁶.

Мы думаем вместе с автором, которого только что процитировали, что в истории как реабилитации, так и восхваления, как осуждения, так и оправдания, это «ложные проблемы»¹⁷. Человек, который написал эти строки, не из тех, кто «ностальгирует по свастике», он католик, один из лучших итальянских специалистов по Средневековью, человек, принадлежащий скорее к «правым», но часто сотрудничающий в левых журналах: профессор Франко Кардини из Флорентийского университета.

Суть, однако, в следующем. Уже давно во всех западных странах наблюдается особый феномен, особенно во Франции, где он часто принимает поистине патологические формы: люди, которые не перестают повторять нам на все тона, от тона ученого до тона пропагандиста, что «сон разума порождает чудовищ» (нацизм и с точки зрения людей, о которых мы говорим, сталинизм), это те же люди, которые большую часть своего времени посвящают навязчивой демонизации национал-социализма, словно он по определению недоступен ни для какой «разумной» интерпретации в этимологическом смысле этого слова, то есть невозможно принять во внимание крайнюю сложность и многочисленные противоречивые аспекты этого феномена. Некогда ортодоксальный марксизм объявлял его «вооруженной рукой капитала», но сегодня это толкование вышло из моды, и можно запутаться в выборе: то ли заклеить такие «объяснения», которые ничего не объясняют, но все вращаются в регистре от оккультизма до психоанализа, более или

---

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

менее по Юнгу, вокруг идеи австрийского «колдуна», который «околдовал» целый народ древней культуры, чтобы учредить «империю зла». Но самое странное, что страсти, которые возбуждаются при этом последнем «объяснении», часто одолевают некоторых «рационалистов», наследников эпохи Просвещения.

Немаловажную роль играет при всем этом полное незнание, прежде всего во Франции. Нам пришлось ждать 56 лет, прежде чем появился полный французский перевод «Мифа» Розенберга (Авалон, Париж, 1986 год), и это не было, что было бы логичным, критическое издание с комментариями «официального» и компетентного историка; нет во Франции ни одного серьезного исследования «Аненербе», культурного учреждения СС, нет ничего о нацистских теоретиках, таких как Эрнст Крик или Альфред Боймлер; имя Ганса Р. К. Гюнтера несколько лет упоминалось в связи с полемикой по индоевропейской проблеме, а потом было снова предано забвению, а таких авторов, как Герман Вирт, Л. Р. Клаусс, Бернхард Куммер и др., вообще не знают; даже «классики» официальной историографии лишь недавно были переведены на французский язык: «Государство Гитлера» (Мюнхен, 1969 год) Мартина Брошата (Файяр, Париж, 1986 год) и «Германская диктатура» (Кельн, 1969 год) Карла Дитриха Брахера (Прива, Тулуза, 1986 год). Рекорд поставила книга Франца Неймана «Бегемот. Структура и практика национал-социализма» (Торонто, 1942 год)¹⁸. Прошло 45 лет (!), прежде чем ее перевели на французский язык (Пайо, 1987 год).

Невежество, как всем известно, порождает страх, а страх, в свою очередь, — фантазии. Можно было бы сказать много правдивого о тревожных и крайне

---

¹⁸ Нарусском языке см. Франц Нейман «Бегемот. Структура и практика национал-социализма» (С-Пб.: Владимир Даль, 2015). — *Прим. ред.*

нездоровых отношениях между риторическим антинацизмом и тем объектом, который он стремится уничтожить. Тот же феномен, кстати, наблюдается симметрично и в неонацизме (мы говорим о людях, родившихся после 1945 года и еще более молодых), в котором то, что невежественные журналисты принимают за «ностальгию», в действительности всего лишь «возврат отвергнутого» современным демократическим сознанием, восхищение тем, что обладает очарованием запретного, нарушения правил. В обоих случаях значительную роль часто играет почти полное незнание предмета, о котором идет речь, ради его ритуального уничтожения или, наоборот, апологетики. Потенциально «религиозное», но пародийное измерение национал-социализма тоже не чуждо этому феномену восхищения-отвержения. Поэтому в высшей степени интересна была бы подлинная «демонологическая» критика национал-социализма. Но любая «демонология» должна исходить из теологии или метафизики, а современные идеологии плохо вооружены для такой критики. На нее способны лишь те, кто, опираясь на традиционную мысль с добавлением антиматериалистической антропологии (сущность человека не исчерпывается «природой» даже в самом широком смысле), располагают ключами доктрин, которыми можно открыть третье, «тонкое» измерение истории.

Выше уже говорилось о косвенной роли невежества в демонизации нацистского феномена. Перед тем как обратиться к содержанию текстов Эволы, включенным в третью часть данного сборника, необходимо дать отпор этому невежеству, умышленной недобросовестности, цель которых — идеологическая дисквалификация и культурная делигитимация. Воистину символический пример мы получили недавно. Умберто Эко, ныне всемирно известный писатель, не нуждающийся

в представлении, несколько месяцев назад опубликовал в еженедельнике «Эспрессо» статью с провокационным и вульгарным названием «Убей еврея!». Прочитывая полтора десятка строк из введения Эволы к итальянскому изданию 1937 года «Протоколов сионских мудрецов», Эко пишет: «Известно, какой вклад внесли эти протоколы в уничтожение в газовых камерах шести миллионов евреев. Написал эти строки мрачный безумец по имени Юлиус Эвола, которого новые правые в последние годы возвеличивают как выдающегося мыслителя, а некоторые слабоумные из новых левых находят у него и положительные качества (страницы, которые я процитировал, принадлежат к числу самых рациональных у Эволы, большинство других это опереточный оккультизм, которого постыдился бы даже маг Отельма)¹⁹»

---

¹⁹ Умберто Эко «Убей еврея!» («Эспрессо», 12 апреля 1987 г.). Отклик — Аноним (Марко Тарки): «Нарушить обет молчания», «Диорама ледтерарио», 103, апрель 1987 года. Что касается «опереточного оккультизма», то Эко можно противопоставить радикально иное суждение другой очень известной писательницы Маргерит Юрсенар, которая в связи с первым французским изданием «Гантрийской йоги» Эволы писала: «Я признаю в ней (1-е итальянское издание — Флоренция, 1952 г.) одно из тех сочинений, которые на протяжении многих лет питают вас и переносят в иной мир... Одна из самых больших заслуг Эволы в том, что он сочетает чудесное богатство деталей, известных ученому, с даром изоляции от их местной обусловленности идей или дисциплин, которые очень много значат для нас, полным устранением экзотики». Называя Эволу «гениальным ученым» (это не похвала, но это другое дело), М. Юрсенар делает оговорку: «Эвола, как и Малапарте, похоже, принадлежит к тому типу германизированных итальянцев, в которых жива еще какая-то гибеллинская одержимость» («Рецепты искусства лучшей жизни», «Ле Монд», 21 июля 1972 г.). Это суждение имеет тем больший вес, что М. Юрсенар, которая, несомненно, была знакома с политическими идеями Эволы, не испытывала никаких симпатий к фашизму: «Фашизм казался мне гротеском; я видела поход на Рим: господ из «хороших семейств», потевших в коричневых рубашках, и людей, которым они грозили, потому что те были с ними несогласны» («С открытыми глазами», интервью с М. Галей, «Сантюрбон», Париж, 1981 г.).

Автор, обладающий энциклопедической эрудицией, знаток контрреволюционной классики и даже принципов традиционной мысли, значит и сочинений Эвола, Эко может быть оправдан лишь тем, что он был одним из последних защитников «ничейной земли, на которой бесплодно пересекались уже сорок лет заградительные выстрелы полемики фашизма с антифашизмом»²⁰. Но следует дать ответ, раз и навсегда, ничего не опуская, твердо и откровенно, всей этой клевете, не утаивая теневые стороны. В тексте, который возбудил тщательно рассчитанный гнев Умберто Эко, мы находим, например в разделе об иудаизме в культуре, такой пассаж: «Еврей Цара, создатель дадаизма, это крайний предел разложения искусства авангарда»²¹. Это замечание может показаться антипатичным, бесполезной уступкой официальной пропаганде, тем более что известно, что Эвола

---

²⁰ Жерар Буланже. Отчет о 2-м коллоквиуме «Политика Герметика» в «Тоталите» (27, весна 1987 г.). Вот типичный пример безумия, вызванного полемикой вокруг нацизма: «В то время как одни идеологические командос оспаривали существование газовых камер, нащупывая почву, а один кандидат в президенты бестактно или бессознательно назвал их «деталью»*, горстка гусарчиков, располагающих средствами массовой пропаганды, считает особым шиком снова поднимать темы их старших братьев-коллаборационистов» (Бертран Пуаро-Дельпеш «Когда разум требует жертв», «Ле Монд», 11 декабря 1987 г.). Вот ингредиенты этой фантазмагорической речи сторонника «теории заговора»: приписывание Врагу слаженной стратегии («командос», «кандидат» и «гусарчики» [бледные наследники «гусар»?] повинуются одному, тайному дирижеру оркестра) и приводящее в замешательство откровение, столь страшное, что исключает какие-либо возражения: сегодня во Франции есть идеологические наследники коллаборационистов, которые «располагают «средствами массовой пропаганды», хотя их «горстка»... Перефразируя название статьи Пуаро-Дельпеша, мы хотели бы сказать, при всем уважении к ним, что жертвы мучеников Сопrotивления, к сожалению, не добавили разума скороморохам партийной тенденциозности.

²¹ Ю. Эвола «Введение к Протоколам» (в сборнике Клаудио Мутти «Еврейство и иудаизм. Протоколы сионских мудрецов», «Ар», Падуя, 1976 г.).

в молодости был хорошо знаком с Царой. Но мы находим в этом тексте и рассуждения, которые, хотя и не свидетельствуют о каком-либо филоиудаизме, показывают, что отделяло Эволю от верующих во «всемирный еврейский заговор», особенно если учитывать пламенную атмосферу эпохи: «Сразу скажем, что лично мы не можем следовать в этом за фанатичными антисемитами, которые, видя повсюду еврея как *deus ex machina*, кончают тем, что сами попадают в своего рода ловушку»²². Критикуя тех, кто, как Нилус, убеждены в существовании еврейского заговора, организованного очень давно, Эвола писал: «Следует, наоборот, свести действительно разрушительную деятельность еврейского интернационала к совсем недавнему периоду и учитывать, что евреи нашли уже подготовленную почву для процессов разложения и инволюции, начало которых восходит к очень давним временам и связано с цепью очень сложных причин: они использовали эту почву и ускорили ритм этих процессов»²³.

Спасение, по Эволе, не могут принести репрессивные меры и преследование отдельных личностей, и следующая цитата покажет читателю, с какого уровня оно должно прийти, особенно когда речь идет о столь спорном документе, как «Протоколы»: «Мы знаем, что было великим в нашей старой, имперской, аристократической и духовной Европе, и знаем, кто

---

²² Там же. Имеется в виду Жан-Мари Ле Пен.

²³ Там же. В той же перспективе: «Будучи далекими от того, чтобы приписывать еврейскому народу сознательное руководство мировым планом в соответствии с весьма фантастическим антисемитским мифом, мы склонны видеть в еврейском инстинкте унижения, деградации и распада силу, которая в определенные исторические периоды использовалась для организации более обширного заговора, конечные нити которого древнее внешних событий, они выше того уровня, на котором вступают в действие простые этнические энергии» (Ю. Эвола «Три аспекта еврейского вопроса» (Рим, 1936 г.), 2-е издание — «Ар», Падуа, 1978 г.).

разрушил это величие. Мы не оказались на должном уровне в борьбе с силами, которые вызвали это разрушение... Массовых политических мифов слишком мало, у них короткое дыхание, их ценность часто подрывается теми же пороками, против которых они борются. Полный возврат к духовной идее Империи будет, наоборот, выражать твердую и абсолютную волю к действительно «традиционному» восстановлению во всех областях и, прежде всего, в области духа, от которой зависит все остальное»²⁴.

После этих предварительных, но необходимых соображений комментарии к статьям Эволы о германизме и нацизме будут короткими. В статье «"Миф" нового немецкого национализма» (1930 год) Эвола говорит о «Мифе» Розенберга в год его публикации, что свидетельствует о его серьезном интересе и нежелании получать информацию из вторых рук. В этой статье Эвола высказывает уже несколько оговорок о книге Розенберга, но утверждает: «Как правило, совпадение многих тезисов гитлеровского теоретика с тем, что мы писали на основе интегрального фашизма в нашей работе «Языческий империализм», удивительно». Очевидно, Эволу тогда соблазнило антихристианство Розенберга, которое лишь частично совпало с его собственным, но он счел его «смелым». Пять лет спустя тон стал совершенно иным: в статье «Парадоксы нашего времени: расистское язычество — либерализм эпохи Просвещения» Эвола приступает к короткому, но радикальному опровержению тезисов Розенберга, обвиняет его в том, что он обращает против христианства самые плоские и устаревшие «аргументы» эпохи

---

²⁴ Там же. Что же касается «расизма» Эволы в разных сферах применения и вариантах выражения, то о нем рассказывает Джованни Монастра в своем исследовании «Аристократическая антропология и расизм: путь Ю. Эволы на проклятой земле».

Просвещения (эта статья не была подписана, но именно анонимность позволила Эволе, говоря об официальном авторе «дружественной» нации, высказать свои глубинные мысли). В это время Эвола углубился в чтение сочинений Генона, влияние которого затмило предыдущее влияние Ницше. В целом статьи 30-х годов довольно критичны, даже очень критичны по отношению ко многим аспектам нацизма, не только к его языческим традициям. Иначе обстоит дело с тремя статьями, напечатанными во время войны и, как мы думаем, по двум причинам: 1) итало-германский конфликт сменился союзом, и Эвола счел, что сейчас не время для теоретических споров, необходима солидарность в борьбе; 2) Эвола, несомненно, в конце 30-х годов, имел контакты с немецкими интеллектуалами, лучше ориентированными, чем Розенберг, и узнал о существовании в Германии тенденций, развивающих тезисы, близкие к его собственным. Об этом свидетельствует его положительный отзыв о книге Кристофа Штединга «Рейх и болезнь еврейской культуры» (Эвола видел в Штединге «одного из лучших представителей новой национал-социалистической политической культуры»: однако есть информация, которую мы, к сожалению, не можем в настоящее время проверить, что книга Штединга подверглась резкой критике в официальной нацистской прессе).

Статьи, опубликованные здесь, подтверждают вывод, который сделал Пьер-Андре Тагиев — человек, которого нельзя заподозрить в симпатии к расистским теориям, но честный, в отличие от Умберто Эко: «Расовая доктрина имеет у Эволы только инструментальный смысл, в том, к чему она должна привести (а не в ней самой), не может быть никакой фундаментальной ценности... Биологический расизм в "традиционной" перспективе, которую представлял Эвола,

всего лишь последняя разновидность современного натурализма и имманентизма, часто неосознанный отпрыск националистической обособленности, плод неожиданной встречи с якобинской мистикой и сциентистской догматикой конца XIX века. Он воплощает в себе синтез и предохранительную решетку, смесь интегрального натурализма, который стремится к материалистическому монизму, и классификационного и метрологического рационализма. Зоологический расизм это особенно грубый аспект царства количества»²⁵. Уточним в заключение, в скобках, что некоторые совершенно недопустимые выражения («немецкая раса», «германская раса»), которые время от времени встречаются здесь под пером Эвола, следует отнести к «журналистскому» стилю, который он иногда использовал в своих статьях.

* * *

В совокупности, поскольку этот сборник позволяет лучше понять в перспективе жизненный путь Эвола, он представляет собой незаменимый источник информации

---

²⁵ Пьер-Андре Тагиев «Юлиус Эвола, мыслитель упадка». Статья, цитировавшаяся ранее. Что касается национал-социалистического язычества, этот автор пишет, что «эта курьезная смесь интегрального натурализма, антихристианского (или антибиблейского) фанатизма, воинствующего сциентизма и националистической обособленности впервые воплотилась в «мировоззрении» Эрнста Геккеля (1834–1919), основателя «монистической религии» в Германии, одного из корифеев дарвинизма и отца «основного биогенетического закона», согласно которому онтогенез повторяет филогенез. Это замечание важно, потому что первоначально дарвинизм в рамках нацистского биологического расизма был предвзвешенным в глазах Эвола. Радикальная враждебность к дарвинизму была одной из постоянных черт Эвола: она присутствовала уже в теоретических текстах, написанных им в молодости, и подтверждена в двух первых главах его «Метафизики пола» (1-е оригинальное издание, 1958 год, на русском языке — М.: Беловодье, 1996. — *Прим. ред.*).

об идеях, которые вызывали споры при фашизме и национал-социализме. В отношении последнего, в связи с библиографической скудностью (по крайней мере, во Франции) источников и идеологических справочников, статьи Эвола, часто написанные на основании документации, полученной из первых рук, имеют тем бóльшую ценность. Если предположить, что существовала — а в этом можно законно сомневаться при современном состоянии исследований — однородная и структурированная «нацистская идеология», читатель благодаря Эволе сможет оценить ее, судить о ней или осудить ее, но, хотя бы частично, зная причину. Те, кто взял на себя инициативу издания этих «Политических статей» Эвола, ставили своей первой целью косвенно заложить камень в реконструкции идей XX века; ими двигало не желание увидеть возвращение на европейскую сцену чего-то вроде национал-социализма, потому что они видели в нем карикатуру на те идеи, за которые они сражались. Рожденные после 1945 года, они хотели прежде всего понять, а понять не значит обязательно защищать то, что защитить невозможно.

Правда, а не лицемерное негодование, столь же мало искреннее, сколько автоматическое, настоящий условный рефлекс, который ничего не стоит, но может многое дать, — вот чем Эвола «беспокоил» многих. Левых возмущал его антисемитизм, несомненный, хотя умеренный — по крайней мере, в его выражении (за исключением очень редких случаев) по сравнению с антисемитизмом некоторых социалистов-немарксистов, от Туссенеля до Прудона, не говоря о самом Марксе и его статье «К еврейскому вопросу». Не нравился он и правым своим осуждением, даже презрением к большинству форм национализма и своим «идейным реализмом», нарушавшим фронт «интегрального национализма» под лозунгом «Политика прежде всего» в духе Морраса. Правым везде,

и во Франции особенно, не нравились его «активная безличность» и его презрение к «ярмарке тщеславия», столь дорогой сердцу мелких культурных кружков, не нравился он и «литературным» кругам своим осуждением нравов левой интеллигенции, но они и сами никогда не упускали случая кадить друг другу фимиам.

Эвола беспокоил и внушал страх. Это не был страх чего-то реального, хотя руководствуясь слухами, его называли «серым кардиналом Дуче», «итальянским Розенбергом», «другом Гимmlера». Страх вызывала его цельность, последовательность. «Я думаю, Эвола был последовательным, можно сказать, даже чрезмерно последовательным, он повторял одно и то же на протяжении пятидесяти лет»²⁶, это признавал и один левый профессор университета. Но наш мир, который не любит величие, не может любить и последовательность, которая складывается из смелости, строгости, откровенности, верности самому себе, даже «суровости». Тем, кто не занимает определенную позицию, многое прощается, поэтому то, что дозволялось, например, Чорану²⁷, чьи «горькие

---

²⁶ Франко Феррарези «Общая дискуссия» («Политика Герметика», 1, 1987 г.).

²⁷ В своем «Соблазне существования» (Галлимар, Париж, 1956 г.) Чоран посвятил еврейскому народу целую главу («Народ одиночек»). В ней мы читаем: «Чрезмерный во всем, освободившийся от тирании природы, от забот укоренения, не имеющий привязанностей, акосмический, он чужак и не может говорить без двусмысленности от имени туземцев». «Самый нетерпимый и самый преследуемый из народов, он соединяет универсализм с самой строгой обособленностью». «В них нет ничего естественного, растительного, никакой "крепости", никакой возможности самокритики. В их вечности есть что-то абстрактное, но не бескровное, похожее на демоническое, одновременно ирреальное и действующее, тревожный ореол и перевернутый нимб, который навсегда делает их индивидуальными». «В те времена, когда они жили ростовщицеством, разве не углублялись они в тайны Каббалы? Деньги и тайна... Возмущаться ими, сражаться с ними? Только безумец на это рискнет: он один осмелится бросить вызов невидимому оружию, которым они оснащены». «Их ирония — это выдержанная

силлогизмы» соблазнили многих левых эстетов, не дозволялось Эволе. Но если сравнивать Джулио Коньи, фашиста, ультра-антисемита, который призывал в своем двухнедельном журнале «Дифеза делла Рацца» к преследованию итальянских евреев, а потом превратился в апологета всемирной метисации²⁸, и Эволу, который всегда сохранял достоинство воина, ни в чем не отрекаясь позже от своих убеждений, то мы, исходя из идеи человека, предпочтем второго, а не первого.

Прециози тоже, на свой манер, был последовательным человеком, поэтому мы сочли полезным вставить в этот сборник после статей Эволы явно представляющий исторический интерес биобиблиографический очерк, который посвятил ему Ренато Дель Понте. В работах о фашизме о Прециози всегда говорится поверхностно, так что в памяти остается только образ болезненного антисемита, которым этот культурный и интеллигентный человек действительно был. Но это была личность, безусловно, более сложная, чем кажется.²⁹

желчь, она долго сохраняет горечь, отравленные ею стрелы убивают. Это не разрядка смехом, это насмешки, судороги и реванш униженных. Признаемся: евреи, как насмешники, непобедимы». «Слишком пылкие, чтобы быть эпикурейцами, они отравляют свои удовольствия, они занимаются всеми делами, от самых вульгарных до самых благородных». Эти выражения вставлены в текст, тон которого с начала до конца остается весьма умеренным. Но все равно, «акосмичность», «делячество», большинство главных тезисов антисемитской аргументации снова выходят из-под пера Чорана. Но мы никогда не слышали, чтобы его обвиняли в антирасизме.

²⁸ О Коньи см. Юлиус Эвола «Лук и булава» (Владимир Даль, 2009. — *Прим. ред.*), глава XVIII, «О метафизике пола и «Одном».

²⁹ Говоря о Прециози, великий историк фашизма Ренцо де Феличе делает такое интересное замечание: «Я всегда испытывал психологический и человеческий интерес к типу людей, обладавших мрачной, люциферовской последовательностью, но на свой манер бескорыстных. И среди якобинцев, иллюминатов и фашистов определенного типа встречался общий для них неосязаемый *quid*, ложный в плане историографии, но истинный в психологическом плане» («Беседы о фашизме», Латерца, Рим-Бари, 1985 год, 1-е издание, 1975 г.). О Прециози см. так-

Выйдя за пределы того, что было его вчерашним выбором, и деформаций, которые темперамент иногда подвергал проверке идеей, Эвола, несмотря на его полную вовлеченность в конфликт, который был европейской гражданской войной, сумел сохранить «честь оружия». Если оставить в стороне Генона, которого нельзя причислять к лагерю интегральной Контрреволюции, то, несомненно, не будет преувеличением сказать, что Эвола был «последним из великих реакционеров современности и первым пророком завтрашних новых правых»³⁰.

Франсуа Местр

же: Анри Роллен «Апокалипсис нашего времени. Изнанка немецкой пропаганды согласно неизданным документам» (Галлимар, Париж, 1939 г.), Норман Кон «Благословение на геноцид. Миф о всемирном заговоре евреев и "Протоколах сионских мудрецов"» (Галлимар, Париж, 1967 г., на русском языке — М.: Прогресс, 1990 г. — *Прим. ред.*).

³⁰Ренато Дель Понте «Ориентиры для чтения Юлиуса Эволы» (Внутренний бюллетень G.S.T., 6, май 1971 г.).

ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ И НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОРЯДОК

I. ДВА ЛИЦА НАЦИОНАЛИЗМА (1931 ГОД)

То обстоятельство, что Великая война не только не исчерпала процесс возникновения европейских и внеевропейских национализмов, а наоборот, довела его до пароксизма, делает вполне оправданными в настоящее время размышления, имеющие целью уточнить значение этого обстоятельства.

Какой смысл может иметь анализ национализма с использованием терминов философии культуры? Ставя проблему с использованием этих терминов, мы полагаем, что можем предложить следующее ее решение: при выборе в пользу национализма есть две идеально различных и противоположных возможности, хотя на практике они часто смешиваются. Если одна из них ведет к вырождению и регрессу, то другая, наоборот, к высшим ценностям — она является прелюдией возрождения.

Попытаемся сделать понятной эту идею, хотя одно ее провозглашение влечет за собой множество последствий.

Невозможно понять такой феномен, как национализм, не поместив его в рамки общего видения Истории, которое основывается на прочных опорах, на критериях ценностей. При таком видении становится очевидным, что постепенное падение политической

власти с одного уровня на другой, которое в древних цивилизациях свидетельствовало о качественном различии человеческих возможностей, это процесс, который восходит к началу так называемых исторических времен и развивается до наших дней, о чем особенно ясно свидетельствует политическая история Запада³¹.

Известно, что аналогия между политическим и человеческим организмом принадлежит к очень древней традиции. Во всех формах телесной организации высшего порядка при любом ее состоянии мы имеем иерархическую взаимосвязь четырех разных функций: на низшем уровне это недифференцированные энергии чистой жизненной силы, а на более высоких преобладают уже функции, присущие обмену и общей органической экономии, а еще выше — воля, которая управляет всем телом в пространстве. А на самой вершине — сила разума и свободы, центр и внутренний огонь всего организма.

Есть традиции, для которых «большое тело» — это государство, рассматриваемое как одухотворенное тело, а не как плод необходимости и случайностей, и оно требует деления на иерархические классы и касты в строгом соответствии с одним и тем же образцом. Жизненной силе, органической экономии, воле и духу соответствуют четыре разных класса: рабов (или рабочих), торговцев, воинов и, наконец, представителей одновременно царской и жреческой власти. Каждая из каст имеет свое место в иерархии: массы подчиняются тем, кто управляет экономикой, торговлей и эксплуатацией природных ресурсов,

---

³¹ Идея регресса каст была первоначально высказана в нашем сочинении «Языческий империализм» (Рим-Токи, 1928 год). Мы взяли ее, уточнив, из концепций депутата В. Веццани, которые все еще не изложены письменно. Систематически эту идею изложил Рене Генон в своей работе «Духовное владычество и мирская власть» (Париж, 1929 г., на русском языке — М.: Беловодье, 2012. — *Прим. ред.*).

а те — воинской аристократии, которая, в свою очередь, объединяется вокруг людей, принадлежащих к совершенному типу завоевателей, в которых есть что-то сверхчеловеческое.

Древний Восток (Индия) и Дальний Восток знали аналогичный тип общественной организации, который частично сближал их с древней Грецией и древним Римом; мы снова встречаем его в политических доктринах Платона и Аристотеля, а католическо-феодалное Средневековье в последний раз оживило его.

Важно отметить, что такая организация соответствует типу качественной иерархии и способствует возникновению высших форм интересов и индивидуальностей. На Древнем Востоке члены двух высших каст назывались «дважды рожденными» — так называлась духовная элита, Воин и Аристократ, согласно этой концепции, имели больше «священное», чем «политическое» значение. Вся иерархия, основанная на экономике, труде, промышленности и коллективной администрации, оставалась двум нижшим кастам, чему в организме соответствует его чисто физическая область.

Поэтому иерархия четырех каст представляла в наглядной форме процесс возвышения индивида путем приобщения к формам деятельности, высшим по сравнению с функциями простого существования. Перед лицом анонимности масс, единственная забота которых — «жить», те, кто управляет трудом и богатствами, вторая каста, это уже эскиз типа, «личности». Но в героизме Воина и в «этосе» Аристократа, третьей касты, еще более ясно чувствуется желание не просто жить, а самому устанавливать законы, затмевающие природный, инстинктивный, коллективный и утилитарный элемент. Если наконец Аскет, Царь и Священнослужитель сливаются вместе, согласно изначальной концепции вождя, в одном и том

же человеку, это указывает на воплощение в определенной личности вселенского, почти сверхъестественного порядка, законченное выражение того, что у обычного человека, наоборот, не имеет достаточной силы для того, чтобы освободиться из-под власти случайностей, стать исключительной личностью. В той мере, в какой подобные властелины, как законченные личности, служат осью общественного организма в целом, этот организм можно сравнить с телом, которое подчиняется духу: временная и духовная власти совпадают, и иерархия становится законной в абсолютном смысле этого слова.

После того как описана эта схема, идеальный образец которой, творец ценностей, не зависит от степени и формы, в которых то или иное общество некогда их реализовало, можно констатировать, со всей очевидностью, что налицо процесс постепенного «падения» политической власти в собственно исторические времена.

Эпоха «священных королей», природа которых была одновременно имперской и священной, осталась где-то на пороге «мифических» времен. Верхушка исчезла, власть опустилась на уровень ниже, перешла к касте Воинов, остались лишь светские монархи, военные вожди или учредители временной справедливости.

Второе падение: исчезли великие европейские монархии, аристократия угасает вследствие революций (в Англии и Франции) и принятия Конституций, она становится простым пережитком, выше нее — «воля нации». Формирование в лоне парламентских, республиканских и буржуазных демократий экономических олигархий было выражением фатального перехода политической власти к современному эквиваленту третьей касты — касты торговцев.

Кризис буржуазного общества, пролетарская революция, деспотизм масс, чисто коллективных, эконо-

мических и международных объединений, предвещает окончательный крах, вследствие которого власть перейдет в руки последней касты, людей без имени и без лица, для которых все сводится к *standard of living* в материальном и количественном плане.

Или еще: точно так же, как тот, кто не выносит больше духовного напряжения и напряжения воли, силы, управляющей телом, они отдаются на волю другой силы, магнетически влекомые, подобно телу без души, ее импульсами, импульсами чистой жизненной силы.

Настал момент признать иллюзией все мифы, связанные с «прогрессом», и широко открыть глаза на реальность. Настал момент признать страшную реальность духовного опустошения, которое тяготеет над Западом и которое в наши дни доводит до стадии зрелости свои последние плоды.

Возвращаясь к той специфической проблеме, которую мы поставили, следует признать очевидным тот факт, что в центре описанного выше процесса инволюции находится переход от индивидуального к коллективному, следствие снижения полюсов интереса, из которых высшие касты выводили законность своей иерархической власти, на уровень низших каст.

В действительности расцвет человеческой личности возможен только при ее свободной деятельности. При посредстве двух символов чистого Действия (героизм) и чистого Познания (созерцание, аскеза), при аристократическом строе, две высшие касты открывали перед человеком пути, которые позволяли ему стать причастным к этому «надмирному» порядку, где только и может личность обрести свой интегральный и универсальный смысл. Подавив всякий интерес к этому порядку, сосредоточившись на практических и утилитарных целях, на достижениях экономического порядка или на занятиях, свойственных двум низшим

кастам, человек дезинтегрировался, утратил центр, снова открылся воздействию сил, которые отрывают его от самого себя, отдают во власть иррациональных и субличных энергий коллективной жизни, тогда как стремление возвышаться над ней характеризует все действительно высшие культуры.

В новейших социальных формах коллектив приобретает все большее значение, доходя до того, что возвращает к жизни чуть ли не тотемизм первобытного общества. Нация, раса, общество, человечество становятся в наши дни мистическими личностями и требуют от индивидов, которые являются их частью, безоговорочного подчинения и параллельно, во имя «свободы», возбуждают ненависть к высшим индивидуальностям, подчинение которым только и имеет священный смысл и этим оправдывается. И эта тирания коллектива не ограничивается тем, что в индивидуальной жизни относится к политической и общественной сфере, она присваивает себе моральные и «духовные» права, претендует на то, что культура и дух перестают быть формами независимой деятельности, они становятся органами временного коллективного целого; она восхваляет мораль, согласно которой дух имеет смысл и ценность только как орудие на службе тела, а человек, прежде чем осознать себя как личность, как Я, должен осознать себя членом социальной группы, партии или нации — таковы заповеди новейших подрывных идеологий, так первобытный человек относился к тотему своего племени или клана.

В подъем русской расы, в образ ее чувств, большевизм внес пророческую, всемирную миссию. Мы видим на этом примере подтверждение регресса к первобытным общественным стадиям, присущего многим формам современной жизни. Очень правильно думают те, кто видит в новой России последний бунт

варварской азиатской расы, которая отбрасывает попытки сделать ее европейски цивилизованной, предпринимавшиеся царями на протяжении двух веков, и делает общее дело с формами общественного разложения европейского мира. Большевизм — это воплощение в современной форме древнего духа славянской расы, расы, не имеющей традиций, которая в своем социальном мистицизме, в своей амальгаме чувственности и духовности, в преобладании «пафоса» над «этносом» и инстинктивности над рациональностью возвращает нас к недифференцированным, субперсональным формам, к промискуитету первобытных племен.

Вспышка мировой войны снова открыла свободное поле для этих элементов, для страшных ферментов распада, которые подрывают то, что еще осталось здорового в Европе. «Советская цивилизация» пророчит наступление «пролетарской эры», победу над «проказой» индивидуальности и свободы, этими «ядами буржуазного общества» и первопричинами всякого зла; ликвидацию не только частной собственности, но и любой независимой мысли и любой «сверхъестественной мотивации, чуждой интересам класса» (Ленин); пришествие «всемогущего человека-массы», который один должен жить и придавать форму любому образу жизни и мысли индивидов. Современный аспект большевизма заключается исключительно в его «методе»: механизация и рационализация — это средства, наиболее пригодные для создания при чисто экономическом всемирном социальном режиме человека-массы, который мистически уже жил в славянской душе. И «советская цивилизация» идет в этом навстречу — и она осознает это — другой нации, которая тоже претендует на миссию всемирного возрождения и на то, что она представляет собой высшую цель цивилизации, — Америке.

В США этот процесс не довольствовался указанием на заблуждения народа, оставшегося на доцивилизованной стадии, он следует неумолимому детерминизму, который хочет, чтобы человек в тот момент, когда он закроется ото всех форм чистой духовности, чтобы преследовать только временные цели, перестал *ipso facto*³² принадлежать себе и стал интегральной частью иррационального коллективного целого, чтобы он не мог больше господствовать. Америка, следуя линии на освящение всего временного и обмирщение всего священного, инициатором чего была протестантская ересь, дойдет именно до такого конца. Доведя до пароксизма идеалы материального завоевания мира, которые предложила Европа, она кончает, сама того не замечая, тем, что придает практический и физический характер любому смыслу власти, справедливости, деятельности и личности в форме, еще более страшной, чем варварство. Аскет считается лентяем, анахроничным паразитом, «бесполезным для общества»; Воина, как опасного, экзальтированного человека, следует в порядке гуманитарно-пацифистской профилактики заменить образцом боксера. Совершенный тип, духовный чемпион, это, наоборот, «человек, который трудится, который производит», и любая форма деятельности, даже духовной, оценивается не иначе как «труд», «производительный труд», «общественная услуга», и как нельзя более характерно, что во главе такого общества мы встречаем тип, представляющий последнюю из древних каст, касту рабов, обреченных на труд.

В этих условиях человек, отказавшись быть духовной личностью, перестает иметь какую-либо ценность вне условий, навязанных коллективной органи-

---

³² С лат. — «в силу одного этого».

зацией, одержимой лихорадочной жаждой производить, «реализовать», действовать.

Эти условия, кстати, узурпируют моральные и религиозные ценности и имеют тенденцию стандартизировать даже души в соответствии с эгалитарной коллективной *forma mentis*³³, удушая даже способность заметить степень вырождения, вызванного всем этим.

Таковы формы, в которых завершается цикл и происходит крах. Россия и Америка это два симптома, два лица одного и того же феномена³⁴. Человеческий организм, такой, каким он был, когда им управляли блеск и авторитет высших каст, деградировал до уровня безголового, субчеловеческого организма. Это явление «безликого зверя».

Теперь у нас в руках все элементы для того, что серьезно заняться проблемой: каков смысл национализма в современном мире?

Один определенный тип национализма открывает нам, на основе того, что мы говорили до сих пор, свою конкретную физиономию: это уровень, непосредственно предшествующий интернациональным формам экономически-пролетарского коллективизма.

В этом национализме важно не то, что возникает особое национальное сознание, а то, что «нация» становится личностью, самостоятельной сущностью, и неспособность стать выше этого права почвы и крови, которое является лишь природным и инфра-разумным аспектом человека, неспособность индивида обрести ценность иначе, нежели в рамках определенного коллектива и определенной традиции, приводит к тому, что они возводятся в ранг этических ценностей. Один факт принад-

---

³³ С лат. — «образ мыслей».

³⁴ В конце 20-х годов Эвола прозорливо определил два предела всемирного разрушения, см. его эссе «Американизм и большевизм» («Нуова Антолджиа», CCLXV, 1321, май — июнь 1929 г.). — *Прим. Р. Дель Понте.*

лежности к «нации» уже окружает все и вся настоящим мистическим ореолом, гарантирует нерушимость и требует уважения. Этот инфра-разумный этнический элемент не довольствуется тем, что не признает никакого авторитета высших начал, он опускает эти начала, ставит их на службу себе. «Нация» требует, чтобы дань приносилась ей первой, но лишь на втором этапе, когда еще сохраняется иерархия и оставляется место для реальности, истины и духа. Но некоторые формы национализма идут еще дальше: они объявляют абстрактными все независимые и объективные критерии, они претендуют на то, что даже когда речь идет о реальности, истине и культуре, нельзя отставлять в сторону националистическую традицию и политические интересы: в этот момент говорят о **нашей** научной, философской и даже о религиозной традиции³⁵.

А все, что не «наше», что не утверждает «ценность нации», сразу же натывается на неблагоприятный предрассудок или, по меньшей мере, на недоверчивое безразличие.

И так же, как он не терпит, чтобы деятельность высшего порядка осуществлялась свободно, с выходом на реальность, более высокую, чем та, которая обусловлена расой, подобный национализм уважает избранные личности лишь в строго ограниченной мере, в той, а какой они являются «представителями» нации. Рожденный в вихре революций, которые опрокинули все, что еще оставалось от аристократически-феодального режима, этот национализм выражает в чистом виде «стадный дух»: это разновидность демократической нетерпимости к любому вождю, если он не является простым органом «народной воли», во всем зависимым

---

³⁵ Когда, как здесь, мы говорим о традиции в негативном смысле, мы можем сослаться на концепцию традиции, которая не включает в себя никакого действительно разумного, то есть сверхэтнического элемента.

от ее санкции. Мы ясно видим, что различие между этим национализмом и анонимностью по-американски или по-советски это всего лишь различие в уровне: если при первом индивид снова растворяется в первобытном этнически-национальном целом, то при второй преодолеваются и различия, свойственные таким национализмам, уступая место еще более продвинутой коллективизации и дезинтеграции в «массе». Чтобы перейти с одного уровня на другой, достаточно того, чтобы мистика расы уступила место структуре чисто экономически-механического типа: благодаря своей безличной природе такая структура истребляет все остатки качественной дифференциации, рационализация и механизация общественной жизни расчищает поле для появления безродного массового человека. А если учитывать, что в современном обществе экономически-механическая мощь практически является мерилем всех критериев ценности и любого величия, то подобный переход, может быть, всего лишь вопрос времени³⁶.

Но можно также задаться вопросом: нельзя ли придать национализму иное значение? Мы думаем, что можем ответить на этот вопрос утвердительно. Национализм, как мы его видели, является в переходной форме, когда политика переходит в руки третьей касты и готова перейти в руки четвертой касты. Исходя из такой его природы, можно подозревать, что он имеет двойное значение: если можно увидеть эту переходную форму в падении, то можно представить себе и ее подъем, возможную реинтеграцию. Представим себе, что мы достигли дна: исходя из гипотезы, что

---

³⁶ Это утверждение Эвола в ту эпоху, когда оно было сформулировано (в 1931 году), имело оттенок пророчества, но сегодня оно полностью оправдалось. Эвола указывал также на опасные тенденции к националистическому регрессу типа «фёлькиш» в отдельных течениях национал-социализма (см. его статью 1991 года «Размышления о будущем обустройстве наций»). — *Прим. Р. Дель Понте.*

мы еще можем найти в себе силы для того, чтобы снова подняться на поверхность, мы снова встретимся с национализмом, но совершенно иным. Подобно так называемым векторным величинам в физике этот феномен определяется только фактором направления.

При первом национализме — это направление к коллективизации, осуществляемой на уровне «наций», при втором — это обратный путь от коллективизации к восстановлению новой аристократической иерархии.

Невозможно лучше выразить предпосылки этого второго национализма, чем это сделал Пауль де Лагард, хорошо известный теоретик немецкого национализма³⁷. Быть «человеком» мало по сравнению с принадлежностью к определенной «нации», но принадлежать к определенной нации мало для того, чтобы быть «личностью». Иными словами, по отношению к качеству «человечество» различительный «национальный» элемент вносит дополнительную ценность «х», а собственно личностный элемент индивида к этому «х» добавляет дополнительную ценность «у». Это идея иерархии, которая идет от абстрактного к конкретному — абстрактное это коллективное, общее, а конкретное, наоборот, отличное, индивидуальное. По отношению к аморфной массе «человечества» возникновение особого национального сознания может, таким образом, означать первый шаг вперед. Но национальное сознание, общий этнический ствол, в свою очередь выглядит лишь бесформенным материалом по сравнению с индивидуальностями, которые, совершенствуясь, сами становятся высшими формами существования по сравнению с единственно обусловленными кровью или требованиями коллектива, переводят этот материал из состояния хаоса

---

³⁷ P. de Lagarde. Deutsche Schriften, том I, с. 164.

в состояние космоса, приводят силу в действие. Возникают обратные отношения: нация больше не цель индивида, а наоборот, индивид как аристократическая и духовная личность является целью нации, которая в какой-то мере остается его матерью, таким же материальным условием, как земля для дерева, которое вырастает из нее, устремляясь к небу.

Демаркационная линия проводится здесь вполне четко, достаточно вспомнить древнюю иерархию каст, чтобы зафиксировать ее раз и навсегда. Нельзя понять национализм как прелюдию возрождения (чтобы он был не только попыткой преодолеть механистическо-коллективистскую стадию, а действительным ее преодолением), не выдвинув фундаментальное требование восстановления порядка ценностей, не сводимых ко всему практическому, «социальному» и экономическому, не сделав эти ценности преобладающими, непосредственно господствующими надо всеми прочими. Без такого требования нельзя создать иерархию, а без иерархии невозможен возврат к высшему и одухотворенному типу государства. В действительности смысл иерархии не только в классификации: она означает подчинение низшего по природе высшему по природе. «Низшим» является все, что измеряется практическими, утилитарными и светскими мерками, а «высшим» — все, что выражается в форме чистой и бескорыстной деятельности. «Иллюзорной» правильно будет назвать любую иерархию, укладывающуюся в рамки чистой экономики, основанную на различиях в доходах, на политическом или профессиональном ранге, на классах в марксистском смысле слова и тому подобное. Только с появлением форм интереса, стоящих выше экономического уровня в целом, может родиться принцип настоящей иерархии: надо исходить из идеи, что

мы живем не ради развития экономики, экономика всего лишь средство, а целью остается внутреннее возвышение, расцвет личности в интегральном, а не только «мирском» смысле. Нынешняя иерархия действительно разлагает, потому что она приводит к подчинению практическому всего «непрактического», дух становится орудием тела, и во всех областях, включая научную, свирепствует «прагматизм» на пару с лежалым макиавеллизмом и всеобщим карьеризмом, множество примеров чего являет наша эпоха. Нет ничего более антииерархического, даже анархического, чем подделка под иерархию.

В оптике реставрационного национализма цель будет следующей: прежде всего, надо упорядочить все, что в обществе соответствует психически-инстинктивной или животной части человеческого организма, перейти из области двух низших классов: труд, экономика, политическая организация в узком смысле слова, на уровень «экономического мира», что позволит энергиям высшего порядка освободиться и действовать на более высоком уровне. Тогда можно будет начать критиковать «восстановление» второй касты, касты воинской аристократии, к которой принадлежит первый аристократ: Монарх. Через аристократию может осуществиться идеал высшего образования — личности. Но не следует думать при этом о представителях разложившихся и выродившихся семей, представителей которых легко подвергать демагогической критике: следует иметь в виду первоначальный тип Сеньора, человека, для которого самообладание, пронизательность, бескорыстие, культура, честь, верность и, прежде всего, качества вождя стали второй натурой, прочность которой опирается на надежную основу крови. Аристократия — необходимое продолжение позитивного национализма, потому что если последний огра-

ничивается границами крови и определенного этнического ствола, то аристократия осуществляет в своих рамках более тонкий отбор и дифференциацию — это направление любого подлинного прогресса.

Когда будет восстановлена аристократическая традиция, «тело» государства начнет одухотворяться, и национализм, после того как его специфическая цель будет достигнута, сможет уступить место высшим формам государства, сравнимым с формами правления второй касты в прошлом. Для них будет характерна абсолютная персонализация всех отношений, означающая переход от механического к органическому, от принуждения к свободе. В прошлом не существовало «солдат», а были воины; сражались не за «нацию» и не за «право», а за своего Короля, не «повиновались общественному закону», были «верными» своему сеньору. Тот, кто подчинялся, знал, кому подчиняется, и делал это с гордостью. Ответственность брали на себя непосредственно вожди, монархи, они не перекладывали ее на безликие учреждения или идеологические табу.

Власть основывалась на величии личности и на ее способности посвящать себя тому, чего нельзя купить, ни продать, ни измерить мерками «полезности», чему-то «большему, чем жизнь».

Это в свою очередь послужит основой для еще более высокого типа государства, но в столь далеком будущем, что невозможны даже простые предположения. Так же как люди могут оставаться различными как тела, будучи объединенными одной общей идеей, так и перед элитами разных человеческих рас, когда они смогут подняться на истинно высший духовный уровень, виртуально откроется путь к новой универсальной культуре. Универсализм в данном случае не означает «интернационализм» и в еще меньшей мере «нивелиляторский гуманизм», и тот и другой — продукты материали-

стического менталитета. В действительности чисто политическая дифференциация государств такого же порядка, как и дифференциация тел, только речь идет не о физическом единстве, а о единстве культуры, приверженности к сверхиндивидуальным реалиям. Католические Средние века, а также Римская Империя или Индия — примеры понимаемой таким образом универсальности: они указывают нам на возможность глубокого культурного и духовного единства, в условиях плюрализма, а часто даже борьбы, разных в этническом плане государств или рас. И о будущем европейском сознании можно говорить, только используя соответствующую терминологию.

Но это выходит за рамки поставленной нами цели — разъяснить два возможных значения национализма. Мы надеемся, что отныне у всех не будет никакой двусмысленности в его отношении. Что же касается того, в какой мере нынешние национализмы, в борьбе в разных государствах, имеют то или иное значение, то речь идет о проблеме эмпирического характера, совершенно чуждого размышлениям, изложенным в данной статье.

Конец ознакомительного фрагмента.